

«МОЙ КАПИТАН! РЕЙС ТРУДНЫЙ ЗАВЕРШЕН»

СТР.5-7

СТР.11

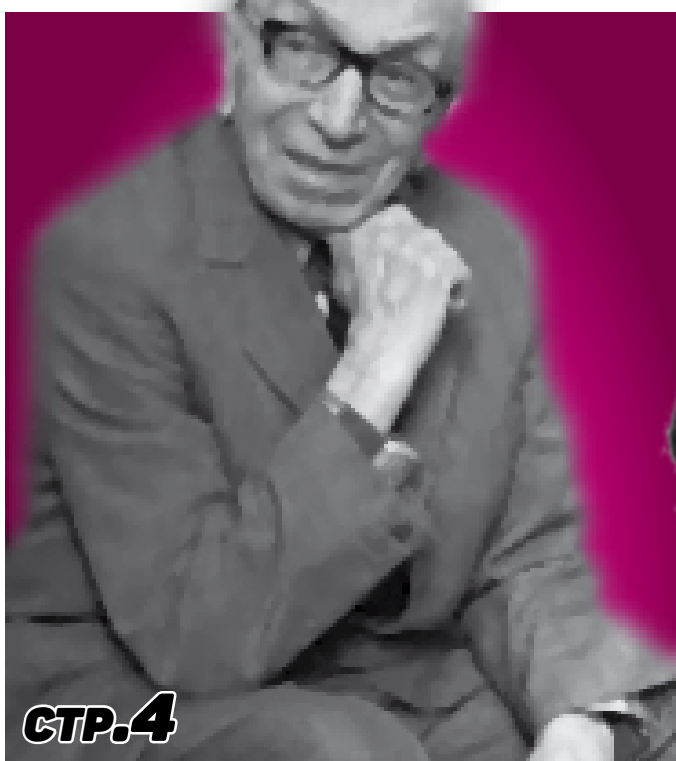

КУДА ВЕДУТ «КОРИДОРЫ»?

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№13 (303) АПРЕЛЬ 2026

Бульварные Новости

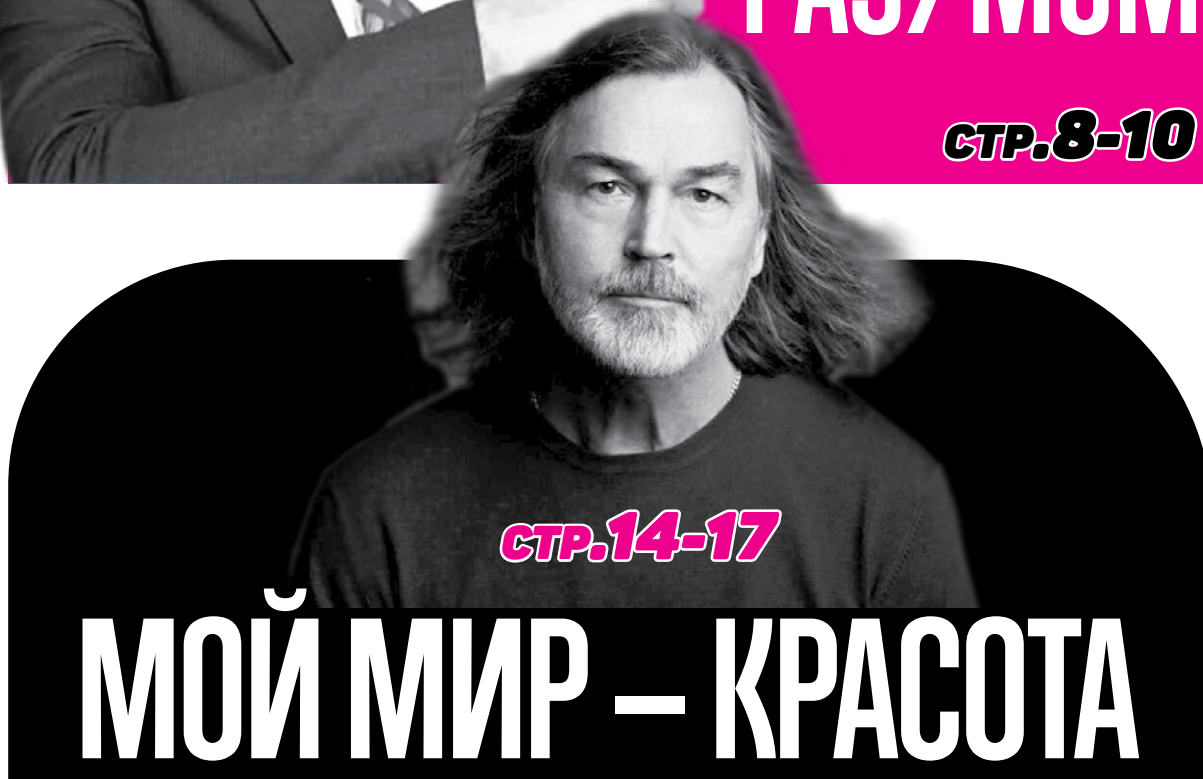
СТР.4

ЕГО НАДО
БЫЛО
ВЫДУМАТЬ

НАДО
ПОЛЬЗОВАТЬСЯ
РАЗУМОМ

СТР.8-10

СТР.14-17

МОЙ МИР – КРАСОТА

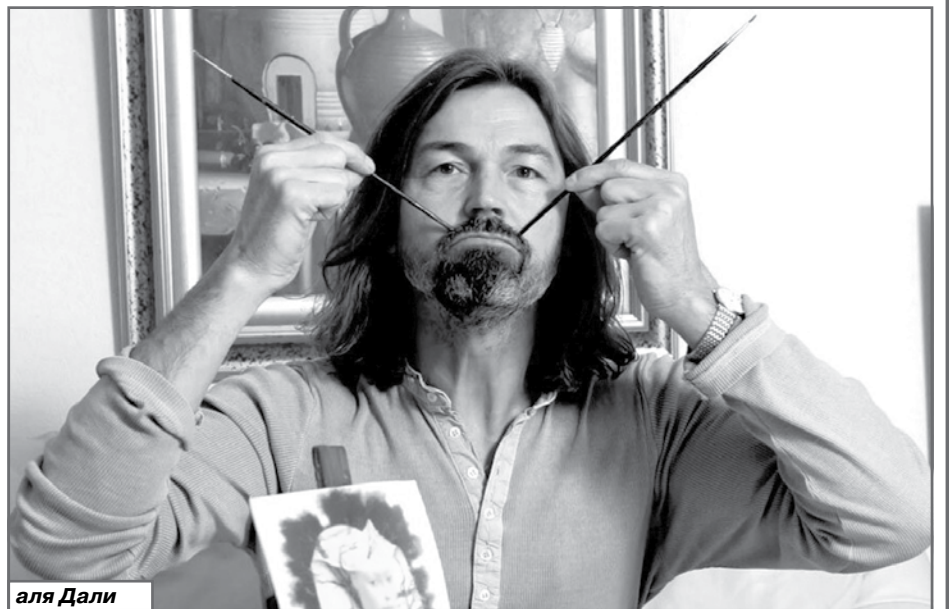
За мольбертом

МОЙ МИР — КРАСОТА

Отношение к живописи Никаса Сафронова у публики и специалистов неоднозначное. Кто-то его обожает, кто-то терпеть не может.

Однако успех картин Никаса подвергнуть сомнению невозможно.

Никас Сафронов, художник, народный художник России.

Аля Дали

Геннадий Норд

— Как ты относишься к независимости? Ты зависишь в жизни только от себя?

— Я в пятнадцать лет уехал в Одессу, поступил в мореходку и больше ни от кого никогда не зависел. Я смотрел на своих братьев, как на богов — они такие талантливые, мне бы так, и я тоже буду по морям ходить. Потом понял, что это не совсем моё — ловить рыбу.

У меня вызывают уважение люди работоспособные. Я работал дворником, сторожем, грузил вагоны, спал час-полтора и работал в театре художником, и это было много лет. Работал на льнокомбинате художником по тканям, в кинотеатрах оформлял афиши. И когда поступил в училище Грекова в Ростове, я тоже работал в театре.

— Ты мечтал зарабатывать искусством?

— Я никогда не думал, что я буду им зарабатывать. Да, я хорошо рисовал, иногда получалось продать что-то, иногда не получалось, но я всегда надеялся, что смогу сделать что-то физически, что мне даст дополнительный заработок.

Я стал получать деньги в конце 1970-х — в начале 1990-х, когда сюрреализм пошел, а потом портреты стали интересны. Я стал изучать глубоко, от Веласкеса до Рембрандта, технику портрета. Ездил за границу, изучал всех наших классиков, и вот так я развивался.

— Как начиналась твоя карьера художника?

— Думаю, что ответов на этот вопрос несколько. Во-первых, когда я впервые ощутил интерес к рисованию? Во-вторых, как я стал художником? Наконец, в-третьих, как началась собственно моя карьера художника?

Если начинать сначала, то детство у меня было тяжелое и счастливое. Тут нет никакого противоречия. Жили мы в Ульяновске, в бараке, у мамы и папы нас

было шестеро детей. Далеко не всегда еды было вдоволь. Но детство, оно самое яркое и самое душевное, даже если оно барачное.

Бараки мы представляем себе как что-то мрачное и унылое. На самом деле, это такой длинный коридор, где напротив друг друга живут люди, делятся последним и устраивают свадьбы, именины, приглашают всех, все по-семейному. Еда была на этих застольях вкусная, но подавали ее не очень красиво, не как во французских фильмах.

Я тогда думал, что когда я вырасту, стану поваром, и буду красиво подавать еду, тогда я не понимал, что сервировщик стола и повар — разные вещи.

Нужда заставляла лазать в чужие сады за фруктами, и нас там иногда ловили, или стреляли в нас из ружья солью. Мы после такого бежали к Волге вымачивать соль из того места, куда она попала из ружья сторожа.

И тогда я говорил друзьям, что буду в будущем садовником, как Мичурин, и всем буду бесплатно раздавать большие-е-ребольшие яблоки.

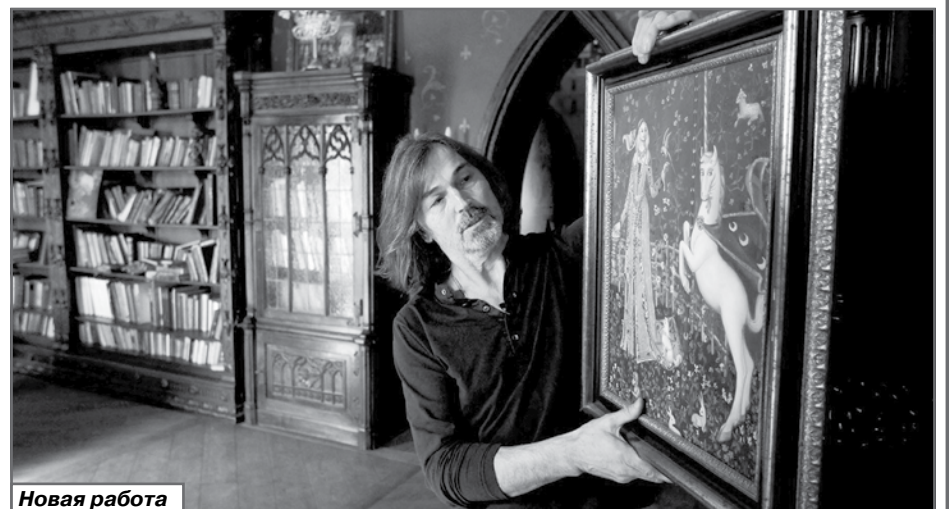
— Как ты поступил в художественное училище?

— В школе я зачитывался книгами о пиратах и решил окончательно, хочу быть пиратом. Думал, что я поеду в мореходку, закончу ее и буду путешествовать по всем мирам, буду таким капитаном Бладом. Но та мореходка, как оказалось, давала возможность быть, в крайнем случае, в будущем капитаном рыболовецкого судна, где надо всю жизнь просто ловить рыбу, выдавая ее на-гора в соответствии с планом. Но я не очень испытывал желание кого-либо вообще убивать, даже рыбу, проучившись год, понял, что это не мое, и решил переехать к тетке в Ростов, которая поехала по контракту работать врачом в Сибирь, и предоставила мне возможность пожить у нее.

Тогда я подумал, как прекрасно жить одному! У нас была большая семья, и вдруг ты живешь один в целом доме! Я с удовольствием согласился, переехал в Ростов-на-Дону и стал думать: «А чем же я буду здесь заниматься?» И я вспомнил, что неплохо рисовал в школе.

Пленер на балконе

Новая работа

С Валентином Гафтом

С Михаилом Пуговкиным

С Жаном-Полем Бельмондо

С Геннадием Нордом

— А ты на самом деле хорошо рисовал?

— Учитель хвалил. Еще в третьем классе я нашел в школьной библиотеке «Озорные рассказы» Бальзака в оформлении Густава Доре. И я влюбился и в Бальзака, и в Доре. Я стал рисовать замки, дворцы, рыцарей, везде: на партах, в тетрадях, в дневниках, в учебниках. Все было изрисовано.

Учитель по рисованию нам всегда говорил:

— Вы смотрите на мир не так, как он есть. Это все уже увидели: Шишкин, Васнецов, а вы рисуйте свои представления о том, что вы увидели, скажем, в облаках. Это не просто облака, вот это похоже на слона, а это — на медведя, а вот это — на дельфина, и так далее. Все это надо увидеть, почувствовать и передать на бумаге.

— У тебя сохранились школьные работы?

— Да. С этими школьными работами я решил попробовать поступить в художественное училище, и как ни странно, меня взяли. Кто-то из экзаменаторов сказал, что у меня нет профессиональной подготовки, специального образования, что у меня только школьная общеобразовательная программа, но один педагог, видно имевший влияние, сказал:

— Надо его взять, попробовать. В крайнем случае, отчислим после полугодия.

Но я справился, втянулся.

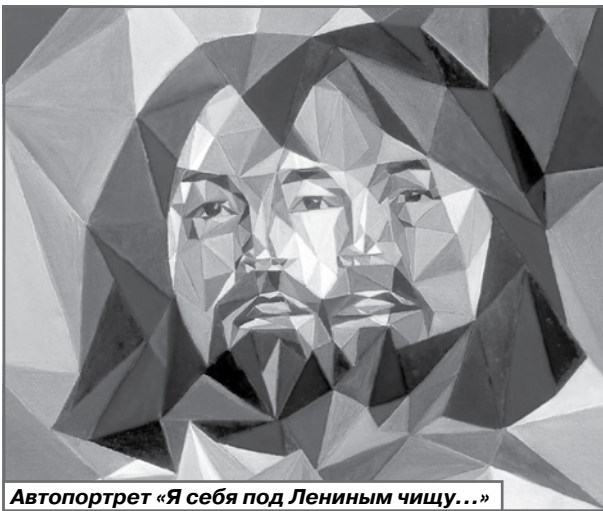
— А собственно карьера художника когда началась?

— Как мне кажется, на втором курсе, когда один мой сокурсник купил у меня картину на всю свою месячную стипендию. Гонорар мы потратили вместе — поехали на Дон и там купили пиво и раков. Наверное, в этой точке биографии началась карьера, которая не заканчивается до сих пор.

— Что для тебя является наиболее важным в работе художника?

— Я понимаю карьеру, как возможность быть востребованным зрителями, а далее — музеями, галереями, аукционными домами. Это и есть наиболее важное для художника.

Не менее важно, чтобы это все случилось при его жизни. Есть много случаев, когда художник уходил из жизни, и вдруг оказывалось, что он при жизни не продал ни одной картины, а после смерти его признали гениальным. Нечто подобное было с Винсентом Ван-Гогом. Его брат Теодор капитализировал смерть художника и сделал на этом большой бизнес-проект.

Автопортрет «Я себя под Лениным чищу...»

С Пьером Ришаром

— Какие художники оказывали наибольшее влияние на твоё творчество?

— Многие. Это и Доре, и Каро, Дюрер, Брейгель старший и, конечно, Тернер, с его невероятными восходами и закатами.

— Самая дорогая картина в твоей истории?

— Я много писал монарших особ. Помню, один король мне подарил «Феррари» за мою работу. А президент одной страны, не буду говорить какой, выделил за мои труды 600 тысяч долларов. На аукционе в Гонконге одна из моих картин была продана за 985 тысяч долларов. Был ещё аукцион в Китае, там уже я сам выставился, без посредников, продал картину за 145 тысяч долларов.

— Ты писал портреты многих известных людей. Встреча с кем поразила больше всего, оказалась чем-то знаменательна?

— Самое яркое впечатление на меня произвёл Гейдар Алиев. Я приехал к нему в конце 1997-го. Высокий, красивый, элегантный, эрудированный, блестяще говорящий по-русски. Мы разговаривали о поэзии, о живописи, политике. О разном. Он меня воспринял. Когда он попозировал мне один небольшой сеанс, потом второй небольшой, короткий — мне не хватало материала. Но я был доволен внутренне. Я понял, что схватил его характер.

Оказывается, все художники ему льстили. А я просто написал его человеком. И, когда я привёз ему портрет, он подошёл к картине, долго смотрел. Минут десять, наверное, изучал, рассматривал. Потом пожал мне руку и сказал:

— У тебя есть друг в этой стране — это я.

Не из членов семьи, с кем он так нежно и тепло обращался, были Ростропович и я. Это для меня было очень важно.

— Есть ли у тебя какая-то неисполненная мечта? Ты хотел написать человека и пока не удалось?

— Я обожаю актёра Хопкинса. И Майкла Кейна. Это актёры, которые мне очень близки. В них есть какая-то

Окончание на с. 16

С Джеком Николсоном

С Ринго Старром

Окончание. Начало на с. 15

магия. Как у Шона Коннери, с которым мы были знакомы.

Коннери должен был приехать ко мне в гости. Мы познакомились в Лондоне, на вечеринке. Но заболел и не смог. Он простой в общении, лёгкий. С такими людьми, как он, Аль Пачино, Джек Николсон, легко общаться.

Вот Мадонна — сложная. Она капризная, очень взбалмошная. Хотя когда она приезжала открывать фитнес-клуб, то подарила мне пожизненную золотую карту.

— Что для тебя важнее — процесс или результат?

— Зависит от ситуации. Конечно, процесс тоже очень важен. Я получаю удовольствие от процесса. Сажусь работать в 12 часов, в час ночи, как ремесленник.

Знаешь, чтобы снова заснуть, например, выйдя попить воды на кухню, нужно вспомнить то, что ты видел. А я вспоминаю, что писал, о чём думал — и продолжаю работать.

Часа через три наступает некое состояние — назовём его вдохновением, — когда я вдруг начинаю видеть детали. Я снимаю очки и вижу уже без них. Я начинаю входить в картину и растворяться в ней. Для меня это очень важно — чувствовать себя участником процесса. Мне нравится процесс. Я его стараюсь не затягивать — нужно сдать работу заказчику вовремя.

Ну, а конечный результат... Я всегда недоволен своими работами. Только иногда потом, глядя на них как бы посторо-

Работа «Праздник света в конце жизни»

ронным взглядом, начинаю видеть достоинства или недостатки.

Недавно училище в Ростове, где я учился, подарило мне мои студенческие работы, учебные наброски на пленэре. Я подумал: «Неплохие работы, такие живые, свежие». Может быть, это не Коровин или Левитан, но где-то близко к этому. Этюды — Дон, пейзажи, дома, города — живые.

Иногда нужно отстраниться. Но я очень требовательный к себе.

— А к другим?

— К другим — нет, я всех одобряю. Я преподаю и всем ставлю хорошие оценки, не ругаю. Наш педагог просто всё перечёркивал!

— Бывало ли, что ты, глядя на картину, с удивлением понимаешь, что это какая-то твоя забытая работа?

— Студенческие работы я забыл многие. А так обычно я помню. Я думаю, что помню все работы, несмотря на то, что меняю стили, не работаю в одной манере.

— А работ много?

— Наверное, около двух с половиной тысяч.

— То есть, ты для каждой работы ищешь свой стиль, другую манеру?

— Иногда даже портреты, скажем Клинта Иствуда и Моника Беллуччи, совершенно разные по письму. Один такой лессировочный, такой ренессансный. А другой стихийный, я для него подготовил специальный мозаичный холст. Потом написал, потом подтёр, потом снова прописал.

Надо создать образ — и, может быть, его невозможно отобразить вот так. Нужно создать для него новую технику письма. Может быть, в кубизме. Может быть, в сюрреализме. Он должен быть узнаваемым.

Я однажды писал человека. Вместе с ним пришли заказчики, он согласился позировать. А ему подарили на день рождения сертификат, подарок — написание портрета у Никаса.

И вот он пришёл. Я начал работать. После этого я уже отдельно работал в мастерской. И мне не нравился этот образ. Не подходит — и всё. Я отложил это. И начал новый портрет на новом холсте. А там уже всё сделано — тело, пейзаж. Жалко было.

Случайно я был на выставке собак и увидел одного барбоса, нашёл его потом в интернете. И написал этого барбоса на тот портрет, чтобы не пропал. Ну, так, хотя бы будет выставочный экземпляр.

И пришли посредники, которые должны были передать портрет заказчику. Говорят:

— Удивительно! Вылитый Иван Петрович! Мы, правда, думали, что вы в реализме напишете, а вы в своей технике. Мы берём.

Я говорю:

— Да нет, настоящий портрет в другой комнате.

Первый взяли на 1 апреля, День шуток, а второй подарили на какой-то праздник. Иногда люди очень похожи на животных.

— Твои мысли сегодня?

— Мысли разные. Много не успел, и надо спешить, надо сделать больше и оставить после себя нечто серьёзное. Но ты никогда не знаешь, что оставить, что — нет. Древние греки говорили:

— Если человек при жизни оставил след, заставил говорить о себе, то он будет существовать, пока существует мир.

Поэтому я надеюсь, что у меня уже есть имя и где-то забронировано место. Но это всё история.

Брейгеля забывали на 250 лет. Его недолюбливали коллеги, говорили, что он не совсем нормальный. И тот, кто купил Брейгеля, да ещё за такие деньги, ненормальный. Потом, когда его не стало, ещё лет 100 говорили:

— Ты как идиот Брейгель, такой же сумасшедший и пишешь такую же глупость.

А потом, в XIX веке, поняли, что он гений.

Тёрнер — один из величайших художников Англии. Он очень нуждался в деньгах, его работы не приобретали. Тоже какие-то странные люди их брали. Но их считали не совсем вменяемыми. И он навязал Англии, Лондону свои картины. Говорил:

— Возьмите!

— Да не нужно.

— Возьмите. Я всё равно вам завещаю.

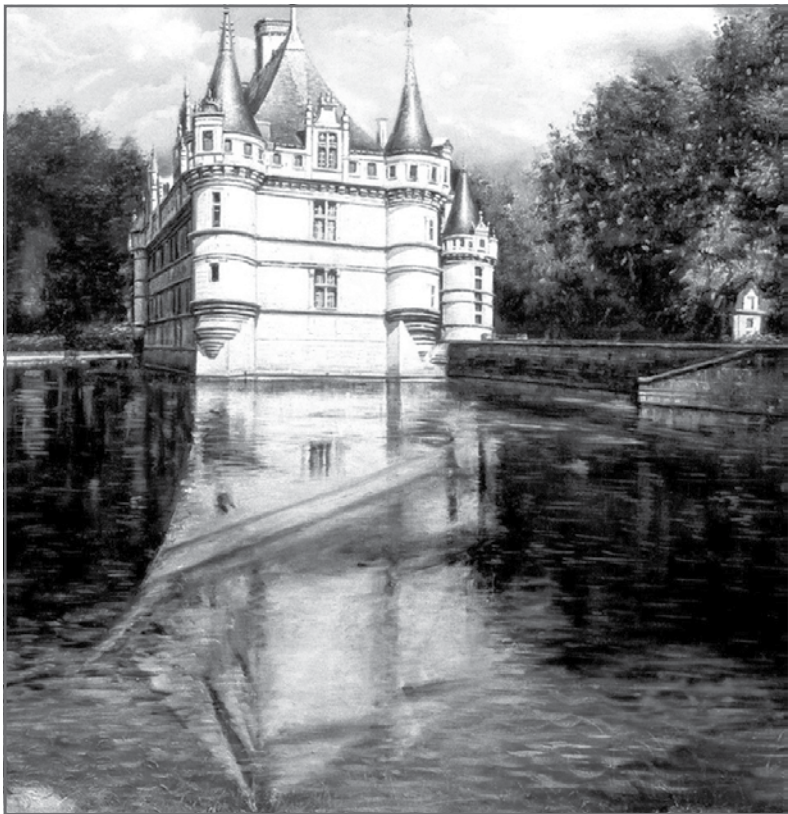
И оставил. Было какое-то небольшое помещение, в котором выставлялись его работы. Но люди ходили. И выставки Тёрнера стали открывать более крупные музеи. Сейчас это национальное достояние. Он делал эскизы, писал маслом как бы акварели — такие лёгкие, воздушные. А художники хотели, чтобы изображение было законченное.

— В искусстве слишком многое зависит от рекламы.

— Да. Художнику очень сложно выжить в этом мире. Он написал 5-10 картин за год, один раз его показали или произнесли его имя. Он, бедный, опять пишет. А чтобы его узнали на улице, чтобы его воспринимали, нужно, чтобы в течение месяца человека семь раз увидели на экране.

Актёр сыграл какую-нибудь роль у Гайдая, Данелии или Феллини — и стал популярным. И всё, его все знают, этот фильм смотрят, он любим, актёра почитают, обожают, боготворят! И он больше ничем не занимается, всё работает за него. Режиссёры, актёры, операторы, костюмеры — все работали ради одного актёра, и он стал звездой.

А в живописи всё сложнее. Если ты уже

С Хулио Иглесиасом

С Эриком Робертсом

С Тото Кутуньо

состоялся, то у тебя есть, так сказать, плацдарм и надежда на будущее, продолжение этой жизни.

— Старое искусство — вечно. А современное?

— Человек сейчас не парится, поет под фонограмму. Современное искусство более лукавое и не имеющее будущего. Оно будет поддержано какое-то время, а потом все равно забудут, забудут обо всех сегодняшних непонятных певцах, невнятных артефактах, которые появляются на рынках.

Ты видишь картину:

— Как мне нравится, гениально.

А где-то в галерее очки лежат, ты проходишь мимо, а тебе говорят:

— А вы не хотите обратить на эту экспозицию внимание?

— А что, очки — это тоже экспозиция?

— Конечно.

То есть любой кирпич, взятый с улицы, поставленный в музей, становится арт-объектом. И ты должен понимать — а для чего кирпич? Но через 200 лет ты не пойдешь к этому кирпичу, ты пойдешь к Леонардо, Веласкесу, может быть, даже к Никасу Сафронову.

Мы восхищаемся Веласкесом, Караваджо, потому что независимо от знаний, кто это, нас восхищает искусство. Все остальное — банки, склянки, мусор — есть и будет появляться, но оно не имеет продолжения.

— Ты писал многих. Начиная от короля Бахрейна и заканчивая политиками. Целая галактика звезд Голливуда побывала в твоём доме. И продолжаешь писать. Но еще Стендаль сказал: никогда не приближайтесь к идолам, вся их позолота останется на пальцах. Потрешь золото — а за ним пустота. Кого из этих звезд ты считаешь действительно звездой, а не позо-

лоченным пятнышком на темном фоне?

— Я сближаюсь только с теми людьми, которые мне приятны. Например, Софи Лорен. Я сблизился с Шоном Коннери — это был потрясающий человек. Мне очень импонирует Энтони Хопкинс, хотя он сложный человек, а я не говорю по-английски, что для меня часто бывает большой проблемой. Я недавно сблизился с одним актером по своей инициативе, хотя он был ко мне индифферентен. Но пообщался с ним немного и понял — он не мой. Вот не мой, и всё.

Иногда случайно с кем-то столкнешься и понимаешь: это — твой человек. А иногда рвешься на контакт, добиваешься, а там — позолота, за которой действительно пустота.

А насчет актеров — есть сделанные кумиры, а есть кумиры истинные. Был такой потрясающий актер — Алексей Жарков. Вот он настоящий. Или Ваня Бортник, сыгравший в «Место встречи изменить нельзя» вора Промокашку, а по жизни истинный аристократ, интереснейший человек и собеседник.

При этом люди могут меняться на протяжении своей жизни.

— Как известные личности, портреты которых ты писал, на них отреагировали? Например, я слышал историю про Бельмондо, которого ты изобразил в кокошнике, когда он дважды не явился на встречу.

— Портрет Бельмондо в кокошнике получился случайно. Я приехал в Париж, договорился о встрече с ним и позировании. Это было в его театре. Я сидел ближе, чем он, к сцене — он на третьем ряду, а я на первом. Все время позирования он неистово следил за сценой, где репетировался новый спектакль. Все время срывался с места, что-то указывал артистам, руководил процессом.

Я набросал только общие черты его лица, когда он посмотрел на часы и сказал, что ему надо убежать. Вместо обговоренного часа позировал всего минут пятнадцать. Он пообещал прийти завтра в мастерскую моего приятеля и закончить процесс там. Но так и не пришел. А в мастерской, где я его прождал четыре часа, висел тот самый знаменитый портрет неизвестной крестьянки в кокошнике кисти Аргунова. И я, чтобы скрасить ожидание, начал рисовать кокошник на том наброске, что я делал в театре — он мне не понравился, а я все равно хотел начать портрет заново.

Не пришел Бельмондо ни на следующий день, ни на третий. А потом мне сказали, что он уехал на два месяца в Лондон сниматься в кино. Я махнул рукой и тоже уехал в Москву.

А мои друзья-французы сфотографировали этот портрет Бельмондо в кокошнике и показали ему. Он страшно разозлился! Кричал, что он не Жан Марэ, он нормальной ориентации! Грозился мне морду набить.

Я ругался на друзей — ведь это была шутка, а не прообраз реального портрета, я просто убивал время!

Говорю им:

— В следующий раз, когда увидите Бельмондо, скажите, что это не его портрет, а картина под названием «Бабушка

С Орнеллой Мути

Бельмондо родом из России». Услышав это объяснение, Бельмондо принес моим друзьям фотографии трех своих бабушек и потребовал сказать, похожи ли хоть одна из них на портрет?

Потом ко мне приехал Пьер Ришар, и я ему рассказал эту историю. Он хохотал, как сумасшедший и пообещал нас помирить. Бельмондо ему сказал:

— Пьер, я же не дурак, я понял, что это шутка, и сам пошутил в ответ, разыграв своей гнев.

Получилось у него очень убедительно. После чего он все-таки попозировал мне, и я сделал его портрет, даже два. Вторым я заканчивал в Москве, и он должен был приехать и забрать его. Но наши графики как-то разошлись, и портрет так до сих пор и хранится у меня. Мы несколько раз виделись с ним в Париже, и у нас были замечательные отношения.

— Ты упомянул барачное детство. У многих людей нашего поколения было трудное детство.

— Я завидовал своим сокурсникам. Они учились на «отлично», а я — не очень. У них рояль дома, возможности, репетиторы. Зато у меня был дикий пляж и воровство яблок из чужих садов. В барачном детстве были свои прелести. Отец меня наказывал, но я не обижался, как другие, а принимал это, как ученик, со смирением.

Потом Ростов, где я учился. Была полоса любовных терзаний с резанием вен.

Потом ушел в армию. Там меня наказывали за то, что не хотел оформлять дембельские альбомы старослужащим. Объяснил голодовку — хотел добиться, чтобы меня комиссовали. Но потом понял, что вместе с этим получу волчий билет и не смогу выезжать за границу. Все это шло в копилку опыта. Все давало толчок фантазии, которой у меня больше, чем у многих.

— Художник должен быть бедным?

— Сама идея, что художник должен быть бедным — это ерунда. Исторический анализ показывает, что 95 процентов художников, оставивших свой след в истории, были состоятельными. Микеланджело, Леонардо — они были пахари. Они были состоятельными, потому что

работали много.

— А как же Ван Гог? Модильяни?

— Ван Гог не был бедным. Его брат был очень состоятельным человеком, и они даже продумали план, как выдвинуть его картины на рынок. Он учился у лучших учителей. Ван Гог — это скорее история пиара, а не искусства.

Гоген, Модильяни — да, они были небогатыми. Но это скорее исключение из правила.

— Твой мир — это мир человека, очень дорожащего красотой, причем, красотой рукотворной. Твой дом — это реализация мечты того барачного детства?

— Когда-то в Таллине меня повели в ресторан «Эгоист». Там стояли какие-то антикварные вазы с засохшими цветами. И я понял: мне такое нравится, я это хочу.

Я купил квартиру в самом центре. Потом докупил верхний этаж и сделал там смотровую площадку с прекрасным видом на всю центральную часть города. Потратил огромные деньги, чтобы сделать панорамную часть из стекла.

А потом решил: почему бы мне не устроить в квартире готику, на которую меня натолкнул «Эгоист»? Начал специально ездить за границу и покупать антикварную мебель, подбирать детали интерьера. Все это продолжалось одиннадцать лет.

Потом я снова поехал в Таллинн и попросил опять отвести меня в ресторан «Эгоист». И оказался страшно разочарован.

— Мечта оказалась реализованной и потеряла привлекательность?

— Скорее то, что я сделал из этой мечты со своей критичностью, придирчивостью к деталям оказалось неизмеримо лучше исходника. Я ведь делал квартиру не только для себя. Я люблю друзей, а потому делал квартиру и для них.

Однажды под Новый год я купил канадскую елочку. Потом куда-то уехал. А в марте вернулся, поднялся наверх, а там у меня елка стоит! Я туда три месяца не заходил! Но в последние годы провожу тут намного больше времени.